

ративов, так как единственным различием у итеративного и соответствующего неитеративного глагола заключается в форме П2 (*il* у итератива, *in* у неитеративной пары).

Заключение

Условная запись и обозначение любого показателя итеративности в парных итеративных глаголах, в том числе и любой итеративной базы, через условный знак *y*, а лексических компонентов неитеративных глаголов через *x* позволила:

1) выявить основную особенность образования итератива, когда в П0 встраивается итеративная база и семантический центр перемещается в позицию инкорпоранта П7;

2) выделить 3 базовые модели образования итератива финитного глагола в кетском языке;

3) определить использование базовых моделей и их сочетаний при каждой зафиксированной нами итеративной базе;

4) свести в общую схему конкретные модели, образованные на основе трех базовых моделей и использования различных итеративных П0 (табл. 2).

Литература

1. Вайда Э. Актантные спряжения в кетском языке // *Вопр. языкознания*. 2000. № 3.
2. Vajda E. Ket verb structure in typological perspective // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 56.1/2. Berlin, 2003.
3. Вайда Э., Зинн М.А. Морфологический словарь кетского глагола (на основе южно-кетского диалекта). (В печати).
4. Крейнович Е.А. Способы действия в глаголе кетского языка // *Кетский сборник*. Лингвистика. М., 1968.
5. Werner H. Die Ketische Sprache. Wiesbaden, 1997.
6. Соболева П.А. Способы глагольного действия и словообразовательные разряды глаголов // *Слово в грамматике и словаре*. М., 1984.
7. Белимов Э.И. Инфинитив в кетском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1973.

Н.В. Полякова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В СЕЛЬКУПСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Томский государственный педагогический университет

В настоящее время в русле когнитивного подхода написано немало работ, посвященных исследованию различных концептов (см. работы [1–4]). Внимание исследователей привлекают в первую очередь основополагающие концепты, к числу которых относится и концепт «свой/чужой» [5].

В данной статье предпринимается попытка выявления признаков концепта «свой/чужой», а также сходств и различий между этими признаками в русской и селькупской культурах.

Одной из основополагающих оппозиций в модели мира является оппозиция свой/чужой. Она появляется тогда, когда человек начинает осваивать макрокосмос и выделяет в нем мир, соответствующий его, человеческим масштабам (микрокосмос). Оппозиция свой/чужой окончательно закрепляется тогда, когда человек становится способен отделять себя от другого.

Э. Бенвенист полагает, что понятие «свой» первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно представляет себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим» – «чужим, врагам, рабам». Таким образом, получается, что понятия «свой» и «свободный человек» исконно связаны и

«это прямо отражается и в связи соответствующих корней в русском языке» [6, с. 236].

Изначальность идеологии рода у славян ярко отражается в ключевом слове славянской культуры **svoję* и в характерном для последнего архаическом соответствии коллективного индивидуальному [7, с. 69].

«Формант **su* и морфема **г* взаимодействуют в тематике родства: др.-англ. *sweog*, *sweger*, рус. свекр, свекровь [др.-инд. *svadhina* – «свобода», рус. свобода]. Ключевое слово индоевропейской культуры **sue* «свой» формирует пласт лексем, подчиняющихся строгой иерархии: имена родства (*-*r*), перечисленные выше без скобок, называют у индоевропейцев людей, членов социума, приближенных к роду, считающихся своими и имеющих право на свободу, т.е. право на проживание на территории расселения социума» [8, с. 80].

Ю.С. Степанов, исследуя концепт «мир», подчеркивает, что данный концепт в древнерусской культуре «восстанавливается как непосредственное продолжение архаического концепта «мир»: (пространство, сравнительно небольшое, ограниченное от остального мира, где живут «свои», «мы», «наше племя», «наш род»; где все люди «милы» друг другу; где господствуют хорошие договорные отношения, лад,

«мир», покой; это место, где процветает «жизнь», а может быть, где она была и «зарождена» [9, с. 91].

С целью выявления того, как люди представляют себе «своих» и «чужих», в современном российском обществе был проведен массовый опрос населения в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик 26 января 2000 г. В ходе опроса, проводившегося Фондом «Общественное мнение», опрашиваемым предлагалось закончить два предложения: «Такие же люди как я, это...» и «Для меня чужие – это...». В результате получили набор стереотипных представлений об окружающих – своих (похожих) и чужих и их явные или неявные оценки.

Полученные в ходе опроса результаты свидетельствуют о том, что «свои» наделяются положительными чертами: «они – прилежные труженики», «обладают высокой нравственностью», «являются оптимистами» и их «большинство». Именно «своим» сочувствуют и сопереживают, так как они «обездоленные» и «забытые жизнью».

Приведенные представления русских о «своих» можно рассматривать как признаки концепта «свой/чужой» в русской культуре, так как существуют раз-

личные методы и приемы исследования концептов [11, с. 14].

Интересно сопоставить признаки объективации концепта «свой/чужой» в селькупской и русской культурах.

Данные, полученные автором в ходе экспедиций к селькупам Парабельского района в июне и ноябре 2003 г., свидетельствуют о том, что реализация оппозиции свой/чужой в селькупской культуре обнаруживает как сходные, так и отличные признаки с русской культурой.

Одним из отличий является деление селькупского этноса на роды. В родовых именах селькупов, связанных с названиями животных и птиц, присутствуют следы тотемизма, т.е. веры в происхождение данного рода от какого-либо вида животных или птиц.

Тазовские селькупы:

Кдссыл тамтыр – Кедровки род;

Лимпыль тамтыр – Орла род;

Сднкыль тамтыр – Глухаря род;

Каррдль тамтыр – Журавля род.

Тымские селькупы:

Сднкыль тамтыр – Глухаря род;

Кулдт тамтыр – Ворона род;

Мулинт тамтыр – Ястреба род;

Сднкыль укыль тамтыр – Глухариного клюва род;

Коркыт тамтыр – Медведя род;

Каррдль укыль тамтыр – Журавлиного клюва род.

Обские и кетские селькупы:

Сднкыль укыль тамтыр – Глухариного клюва род;

Чинкыль тамтыр – Лебеда род [12, с. 77].

Опрос селькупов показал тесную связь сегмента «Свой» с кровным родством. Большинство информантов, владеющих селькупским языком, считает «своими» в первую очередь родственников по крови, к ним относятся: *элавем* – мать с отцом; *им* – сын (мой); *нэ* – дочь; *аджан аба* – тетя (сестра отца); *авыт аба* – тетя (сестра матери); *чаджига* – дядя; *нямбика* – бабушка (по материнской линии); *аджука* – бабушка (по отцовской линии); *авнэка* – дедушка (по материнской линии); *энека* – дедушка (по отцовской линии); *арамбыл ара* – престарелый дед, прадед; *паямбыл пая* – престарелая бабка, прабабка; *темня* – брат; *нення* – сестра, старший брат; *аба* – старшая сестра; *мыда* – младший брат, младшая сестра.

Родственники по крови являются своими вне зависимости от их образа жизни, характера, о них всегда думают, беспокоятся и молятся. З.В. Романенкова, владеющая кетским языком, суммирует все качества «своих» следующим образом: «Свой – плохой, хороший, он все равно свой, какой бы он ни был, а он мой». На вопрос, заданный во время экспедиции З.В. Романенковой: «Свой – он русский?», был получен ответ: «Нет, свой – кето, жители моей деревни – свои».

Кроме родственников по крови информанты, владеющие селькупским языком, относят к «своим»

Таблица 1

Распределение высказываний, завершающих предложение «Такие же люди, как я, это...» (% от числа ответивших на этот вопрос) [10, с. 15]

Основание категоризации	%
Бедные, бесправные, обреченные («жалкие», «обездоленные», «неудачники», «забытые жизнью»)	23
Простые («обычные», «все мы», «большинство», «обыкновенные», «нормальные», «народ»)	19
Нравственные люди («надежные», «верные», «справедливые», «трудолюбивые», «гостеприимные»)	14
Обозначение места в социально-профессиональной структуре («пенсионеры», «рабочие», «служащие»)	11
Оптимисты, надежда страны («счастливые», «активные», «поднимут страну», «энергичные», «стараятся что-то изменить»)	10
Работяги, трудовой народ («рядовые, которые всю жизнь работают», «честные труженики»)	8
Родственники, соседи, друзья («односельчане», «моя семья», «с кем живу и общаюсь»)	6
Половозрастные признаки («бабушки», «пацаны», «наше поколение»)	4
Указание на свою и других уникальность («таких, как я, нету», «Мумий Троль», «Кинчев»)	2
Другие самоописания (по 1 % каждое) («спокойные», «хозяйственные»; «больные», «инвалиды»; «православные», «коммунисты»; «интересующиеся искусством», «средний класс»)	4

родственников по браку, которые не всегда являются селькупками. Информанты вспоминают, что «когда род селькупский переводиться стал, старейшины велели в жены брать русских» (В.Н. Саиспаева, И.Е. Саиспаев), и они становились своими.

К родственникам по браку относятся: *паял ав* (*амба*) – теща (жены мать); *паял э* (*аджа*) – тесть; *аран э* (*аджа*) – свекр; *аран ав* (*аджа*) – свекровь; *амнэ, мат нэн ара* – зять (моей дочери муж); *мат ин пая* – невестка (моего сына жена); *лодыбыл аджам* – крестный отец; *лодыбыл амба* – крестная мать.

Кроме того, своими могут быть и другие родственники, и все селькупы. «Раньше селькупы все **свои** были» (выделено нами. – Н.П.), – подчеркивает В.Н. Саиспаева. По словам В.П. Тагаевой, «свои – это прежде всего мой народ».

Русские слова «родня», «родственники» могут быть переведены на селькупский как «*чардже*», так и «*ондж кула*» (буквально – свои люди).

То обстоятельство, что все селькупы раньше считались своими, связано с компактностью их проживания: селькупы жили раньше в небольших деревнях и составляли большинство населения, многие были близкими или дальними родственниками.

Рассмотрим теперь признаки и свойства чужих в русской и селькупской культурах. Данные современных научных исследований позволяют утверждать, что в различных обществах и культурах, у разных этносов представление о «чужом», «другом», «враге» обладает чертами явного сходства, а это, в свою очередь, свидетельствует не только о стереотипе, но и архетипе чужака, образе, возникающем по технологии мозаики, из фрагментов (иногда и взаимопротиворечивых). «При этом доминантой всех этих частностей непременно является пафос негативизма» [13, с. 10].

Есиповская летопись 1636 г. описывает сибирских «человецев», что живут, «Бога не ведающе, ни закона... не приемлюще; сыродцы, зверина же и гадская мяса снедающее скверна, и кровь пияху, яко воду» [14, с. 45].

Преобладание негативизма в восприятии чужого подтверждается также и данными Фонда «Общественное мнение».

Результаты опроса свидетельствуют о том, что «свои» наделяются положительными чертами, в то время как «чужие» обладают только отрицательными свойствами: они «безнравственны», «бездельничают» или «живут за счет других», «пьяницы» и т.д.

Интересны реакции недифференцированного восприятия чужих, основанные на древнем архетипе безликости «чужих»: «чужие – это стадо», «пустое место», в то время как «свои» – это всегда конкретные люди.

Селькупы без особого труда дифференцируют своих, но отнесение кого-либо к разряду чужих вызывает у них затруднения.

Таблица 2

Распределение высказываний, завершающих предложение «Чужие для меня люди – это...» (% от числа ответивших на вопрос) [10, с. 18]

Основание категоризации	%
Соотнесенность с «Я», «Мы» («мне безразличные», «кого не знаю»)	20
Безнравственные люди («нечестные», «тупые», «завистливые», «бессердечные»)	19
Принятие чужих («все живем в одном мире», «не безразличны мне», «потенциальные друзья»)	13
Преступники, пьяницы, террористы	12
Богатые, «новые русские», элита	10
Недифференцированное восприятие чужих («стадо», «все одинаковые», «пустое место»)	7
Власть («наглецы в Думе», «Немцовы, Гайдары и другие не нужные в обществе»)	6
Враги, беда, горе	5
Пессимисты, духовно чужие, с чуждой идеологией (лишенные цели в жизни), «горделивые», «забывшие прошлое», «атеисты», «националисты»)	3
Место в социально-профессиональной структуре («капиталисты», «врачи», банкиры», «руководители», милиция»)	2
Бездельники («живущие не своим трудом», «кто много говорит, а мало делает»)	2
Иностранцы	1
Другие	2

«Я чужого человека не знаю, плохой, хороший. Ко всем людям доброжелательно отношусь, если плохого не делают» (З.В. Романенкова).

Одним из критериев отнесения людей к чужим является их поведение. Даже дальние родственники из-за своего поведения могут перейти в разряд чужих. Например, родственники жены племянника (завистливые, жадные, покушаются на имущество) были отнесены информантом к «чужим». Чужими являются также и те люди, с которыми информанты либо лично не знакомы, либо знают их плохо.

Русские могут быть как своими (родственники, друзья), так и чужими. «Соседи, смотря какие, если друзья, то – свои» (З.В. Романенкова, А. Тимонин).

Данные опроса информантов свидетельствуют о том, что своими могут быть: «те люди, которые уважительно относятся к человеку», «понимают его», «не обманывают и не предадут», «добрые», «хорошие и честные».

Чужие же наделяются негативными чертами характера: они «злые», «завистливые», «сплетники», «пытаются сделать что-то плохое», например «залезть в чужую сеть».

Таким образом, можно констатировать, что своими для селькупов практически всегда являются род-

ственники по крови и ближайшие родственники по браку. Что касается остальных родственников и представителей других национальностей, то они могут быть как своими, так и чужими благодаря своим личным качествам, поведению и т.п.

Существуют и случаи нейтрализации оппозиции свой/чужой. В русской культуре ярким примером этого служат слова «гость» и «сосед».

В славянской народной традиции гость – лицо, соединяющее сферы «своего» и «чужого», объект сакрализации и почитания, представитель «иногo» мира. Превращение «чужого» в «гостя» связано с ритуализованными формами обмена, включающими пиры, угощения, чествования.

Гость в славянской культуре воспринимается как носитель судьбы, лицо, которое может повлиять на все сферы человеческой жизни. В свою очередь хозяин стремится как можно лучше принять гостя, надеясь путем символического договора с высшими силами, представителем которых является гость, обеспечить свое будущее. Хозяин предлагает гостю ночлег, угощение, отводит самое почетное место за столом, а иногда и сажает его во главу стола [15, с. 531–532].

Подобное отношение к гостю можно проследить и у селькупов. Гостеприимство является одним из основных атрибутов селькупской культуры, а его законы находят свое отражение и в селькупском фольклоре:

Оккыр челджогыт темняды маджёнд квэнба. Ненягынды кадэмбады: «Табек тцла – абдыкет; шэпка тцла – абдыкет; кара тцла – абдыкет; кай а тцла – весь абдыкет» (Однажды брат в тайгу пошел. Сестре он сказал: «Если белка придет – накорми ее; бурундук придет – накорми его; журавль придет – накорми, кто бы ни пришел, всех накорми») [16, с. 109].

Недоумение у селькупов вызывало нарушение законов гостеприимства. На вопрос, заданный во время экспедиции: «Что в поведении других людей воспринимается Вами как противоестественное?», был получен ответ: «Как можно чаем не напоить, не накормить и не уложить спать какого-нибудь человека, который в дом зашел и попросился ночевать» (И.А. Коробейникова).

Нейтрализация оппозиции свой/чужой имеет место в русской культуре и в отношении соседа.

Сосед в Древней Руси долго назывался су-седом, в этом слове та же приставка, что и в словах супруги и сутки. Соседи не просто «сидят» рядом на одной земле, они связаны общим долгом и правом, подобно тому, как навсегда «сопряжены» супруги и «сотканы в единую нить» сутки. Сосед никогда не был на Руси лицом посторонним, в горе и в радости он был вместе с родными. Со временем изменяется отношение к соседям; и власть, и враг, и сосед одинаково враждебны хозяину средневекового «дома – се-

мьи». Слова «соседи» и «холопи» обозначали людей подневольных; не своих и не чужих. Сосед, как и близкий, мог быть вместе с тем не из своих, хотя и родных по крови, но одновременно и чужим [17, с. 44–46].

В селькупском языке нет слова «сосед». Для перевода этого слова на селькупский информанты используют описание «*минан мадат когыт варгадал кул*» (буквально – моего дома возле живущий человек). В отличие от русской культуры, роль соседа у селькупов не столь значительна. Более того, для селькупской культуры, как отмечают информанты, не характерна нейтрализация оппозиции свой/чужой в отношении соседа. Если сосед был родственником, то он относился к своим, если нет – он был чужим.

Кроме перечисленных выше признаков концепта «свой/чужой» существует также тесная связь данной оппозиции с концептом «Пространство».

«Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»). «Свое пространство» определяется как культурное, безопасное, гармонически организованное. Ему противостоит «их-пространство» – чужое, враждебное, опасное и хаотическое. Что у нас не дозволено, у них дозволено (зеркальность «нашего» и «их» мира») [18, с. 257].

В научной литературе многократно описаны представления древних германцев, которые противопоставляли Мидгард (свою землю) и Удгард (чужую). Важным является тот факт, что деление не носило собственно территориального характера, а основывалось именно на оппозиции свой/чужой. К Удгарду относилось все, что не обнаруживало упорядоченности по принятым в данном сообществе установлениям, – от стран враждебных иноплеменников (где «все не так») до населенных мифическими чудовищами мрачных и ледяных пустынь. По существу Мидгард аналогичен Космосу античности, в котором царит порядок, а Удгард – Хаосу, олицетворяющему опасно непредсказуемый беспорядок.

В понятии Мидгарда, что буквально означает «срединное селение», можно наглядно проследить и связь пространственных представлений с этно- и социотризмом: «свое» рассматривается в качестве центра мироздания, обычно во враждебном окружении.

«Мидгард включен в двойную систему оппозиций. По горизонтали он противопоставлен “внешнему огороженному пространству”, населенному великанами, по вертикали – “верхнему миру”, жилищу богов и подземному царству. Мидгард – это мир людей. ...Связь Мидгарда с людьми не случайна, она глубоко мифологична по своей сути, поскольку в архаичных традициях мир представляет собой только освоенное человеком пространство, это всегда наш мир» [19, с. 29].

«Свое» пространство, особенно для архаического восприятия, еще и сакрально чистое в противовес

«чужому» – сакрально нечистому [20, с. 135]. Важнейшая характеристика Мидгарда, срединного ого-роженного пространства – его локализация в центре, как по вертикали, так и по горизонтали, т.е. в максимально сакральном месте.

В селькупском языке для обозначения этого (своего) мира в противовес потустороннему миру (миру духов) используется слово «буга». По данным Г.И. Пелих, «Буга – реальный, этот мир, мир, обитаемый человеком» [21, с. 13].

После смерти настоящие селькупы (у которых мать и отец были селькупам) идут в мир, где живет и правит Има-тета-ылынты-кота (великая мать земли), которая встречает их как своих детей. Все остальные люди, из умерших на селькупской земле: *сезма* (у которых один из родителей селькуп); *чочора* – люди всех прочих национальностей, умершие и похороненные на селькупской земле, идут к старухе Има-кота в третий подземный мир, где она хозяйничает [21, с. 27].

«Если умирал старик, старуха или ребенок до четырнадцати лет (т.е. те, кто при жизни имел право подходить к сыткы, не участвовал в половой жизни), то их тело переносили в священную часть жилища – сыткы, расположенную за очагом, против входа. Если

умерший был чужой, то по истечении трех дней его тело выносили на улицу и укладывали на нарту, где он лежал до приезда родственников» [12, с. 70].

У селькупов был устойчивый обычай «откупать» землю у чужих при захоронении человека. Каждый человек должен быть похоронен там, где он родился и жил. Если смерть застала на чужбине, то в землю при захоронении бросали медные деньги или топор, чтобы чужие люди приняли умершего [22, с. 357].

Существенным различием объективации концепта «свой/чужой» в селькупской и русской культурах является связь данного концепта у селькупов с родом и пространством (связь с кровным родством отмечается в обеих культурах, но у селькупов она выражена ярче, чем у русских, см. табл. 1), а сходство заключается в оценочном характере данного концепта в обеих культурах.

Интересна в связи с этим точка зрения Т.В. Цивьян об оппозиции свой/чужой: «Оппозиция свой/чужой, первоначально связанная лишь с категорией притяжательности, постепенно приобретает оценочный характер. Особенность данной оппозиции в том, что она не абсолютна, а относительна, т.е. как бы “подвижна”: свой меняет знак, становясь чужим, чужой “приватизируется”, друг делается врагом» [23, с. 467].

Литература

1. Агаркова Н.Э. Концепт «деньги» как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.
2. Архипова Н.Г. Концепт «болезнь» в русских говорах Приамурья (номинативный аспект) // Картина мира: язык, философия, наука: Докл. участников всерос. школы молодых ученых (1–3 нояб. 2001 г.). Томск, 2001.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997.
4. Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999.
5. Жданова В. Ассоциативный эксперимент в изучении языкового сознания (на примере оппозиции «свой – чужой») // Beitrage der Europischen Slavischen Linguistik (POLYSLAV). Bd. 5. Munchen, 2002.
6. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
7. Проскурин С.Г. Очерки исторического мира индоевропейцев: концептуальные структуры, коды и тексты. Новосибирск, 1998.
8. Polome E.C. Indo-European culture with special attention to religion Indo-Europeans in the fourth and third millennia. Austin, 1980.
9. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.
10. Климова С.Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. 2000. № 12.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
12. Прокофьева Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1977.
13. Славкина И.А. Динамика лексического выражения понятия «чужой» в истории русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Ч. 1. М., 1987.
15. Толстой Н.И. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995.
16. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык. Томск, 1996.
17. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
18. Лотман Ю.М. Семиосфера (Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки). СПб., 2000.
19. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.
20. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996.
21. Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, 1998.
22. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994.
23. Цивьян Т.В. Современная русская языковая ситуация в проекции на модель мира // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002.